

Ставр Годинович и Василиса Микулична

(Пудожского уезда, Филимоновской волости)

Во славном во городе во Киеве,
У солнышка князя у Владимира,
Как был столованьё — почестный пир
Для своих-то для князей для бояринов,
[Для сенаторов] для думных¹,
Для вельмож и купцов богатых
И для Росейских могучих богатырей.
Тут пошло у них столованьё — почестный пир,
Было красное солнышко на вечере,
Почестный пир да на весели,
Вси на пиру да напивались,
Похвальбами вси похвалялися.
Кто чем хвастает,
Кто чем да похваляется:
Иной хвастает несчетной золотой казной,
Иной хвастат силой-удачей молодецкою,
Иной хвастат добрым конем,
Как иной хвастат славным отечеством,
Иной молодым молодчеством;
Умный-разумный хвастат старым батюшком,
Старым батюшком да старой матушкой,
Безумный дурак хвастат молодой женой.
Как похвастал стар Ставер сын Годинович
Своей да молодой женой,
Молодой женой да Василистой Микуличной:
«Моя как молода жена, Василиста Микулична,
Ваш город Киев скупит и спродаёт,
Князей-бояр всех обманет,
Тебя, солнышко, обманет и проведет».
Солнышку князю те речи не полюбилися:
За те за речи за неумильныя
Садил Ставра в погреба да глубокие.

Был при Ставре тут свой человек.
Он садился на добра коня,
Ехал ко городу Чернигову,
К молодой Василисты Микуличной.
Приехал к ней да на широк двор,
Становил тут да добра коня,
Сам шел во палаты белокаменны,
Крест-то сполна кладал по-писаному,
Поклоны вел по-ученому,
Клонился на все на четыре стороны,
Молодой Василисты Микуличной в особину.
А у ей как забрано столованье — почестный пир,
Забраны жены купчески,
Забраны жены вельможески,
Забраны жены [генеральския].
Говорил как это свой человек:
«Ай же, молода Василиста Микулична!
Пьешь и ешь-кушашь, прохлождаешься,
Над собой незгоды не чаешься:
Во славном как во городе во Киеве,
У солнышка князя у Владимира на честном пиру,
Твой-то стар Ставер сын Гоудинович
Похвастал тобой, молодой женой,
Молодой женой Василистой Микуличной:
«Как моя, де, молода жена,
Василиста Микулична,
Ваш город Киев скупит и спродаёт,
Князей-бояр обманет,
Тебя, солнышко, обманет и проведет».
За тыи-то за речи не за умильня,
Посажен в погреба да в глубокие».
Она как вставала на резвы ноги,
Говорила таковы слова:
«Ай же, гости баженые²!
Пора, вам гости, разъезжатися
По своим домам, по своим местам».
Тут как все да поразъехалися.
Как она тут садилась на ременчат стул
И говорила таковы слова:

«Чем-то Ставра будет повыкупить,
Как-то Ставра будет повывести?
Не выкупить будет Ставра несчетной золотой казной
И не вывести будет силой могучей богатырскою:
Повывести будет Ставра догадками женскими!»
Тут писала она ерлыки скорописчатые,
Писалась 3 той земли Веденецкия 4,
Того острова Кодольского,
Грозен посол да Васильюшко,
О добром о деле, де, о сватовстве
Ко солнышку князю Владимиру
На любезной на плёманице,
На молодой Любавы 5 Путятичной.
Сама подбрила волоса да по мужичьему,
Надевала платье мужское,
Кладывала туги луки да во налучники,
Калены стрелы да во кòлсана 6,
Вязала крепки палицы да на бедро свое;
Потом шла на широк двор,
Со широкого двора шла на стойлы лошадиныя,
Брала себе да добра коня,
Начала седлать да уздать своего добра коня,
Кладала путики на путики 7,
Войлоки на войлоки,
На верех кладала ковано седло черкесское,
Затягивала двенадцатью подпругами богатырскими,
Натягивала тринадцату продольную;
Подпруги-ты были чистого серебра,
Пряжки-шпильки красного золота,
Стремены булата заморского,
Шелк-то был да шемахатный,
Шелк-то нè рвется и нè трется,
Булат-то не ржавиет,
Золото не мидиет,
Серебро не зелизиет.
Тут садилась на добра коня,
Ехала ко стольному ко городу ко Киеву,
Ко солнышку князю Владимиру,
Ко Владимиру на широкий двор.

Становила добра коня посередь двора широкого,
Сама шла в палаты княженеския,
Крест кладала по-писаному,
Поклоны вела по-ученому,
Клонилась на все четыре стороны,
Солнышку князю с княгиней Апраксией в особину,
Молодой Любавы Путятичной в особину;
Кладывала ерлыки на дубовый стол.

Тут вставал как солнышко Владимир князь,
Вставал на резвы ноги,
Брал ерлыки да на белы руки,
Ерлыки да распечатывал,
Да каждого словечка да высматривал,
Сам говорил да таковы слова:
«Ай же ты, любезная племянница!
Желаешь ли итти да во замужество
В тую землю Веденецкую,
В той ли остров Кодольский,
За грозна посла да за Васильюшка?»
Она и говорит: «Родитель [8](#) ты мой дядюшка!
А воля твоя то есть». —
«Так надо собрать князей [сенаторских] все думных [9](#)».
Сбирал как он князей [сенаторских] все думных
На думу крепкую [10](#):
Все как согласились отдать да во замужество.
Говорит молодая Любава Путятична:
«Ай же ты, родитель мой дядюшка,
Солнышко князь стольнокиевский!
Не отдайте вы девчину да за женщину:
У него походка-та чàстенька,
Чàстенька походка, жопа крутенька,
Речь проговоря все с провизгом;
Самы теи все приметы да по женскому:
На лавку сядет — так стегна жмет».
Он говорит: «Мы можем послать [11](#) да повывеждать,
Пошлем Васильюшка на широкий двор,
Со теми борцами да боротися:
Ежели женщина, так не пойдет она боротися».

Говорят ему да таковы слова:
«Ай же ты, грозен посол Васильюшка!
Не угодно ли с нашими борцами с княженескими,
Не угодно ли да поборотися
На том дворе княженескoм?»
Она говорит да таковы слова:
«У меня за маленька¹² да было хожено,
У меня за маленька да было боротось;
Горит душа, мне хочется,
С вашими борцами поборотися».
Шла она на широкий двор,
Начала с борцами да боротися.
Брала во праву руку да три борца
И во леву руку три борца,
В место их столнула¹³,
На розно раскинула, —
Ты борцы да на зени¹⁴ лежат.
Тут не могли посла да повыведать,
Согласилися отдать да во замужество.
Опять и говорит молодая Любава Путятишна:
«Ай же ты, родитель мой дядюшка!
Не отдай девчину за женщину:
Смотри, у него походка чàстенька,
Чàстенька походка, жопа крутенька,
Речь проговоря все с провизгом;
И тьи приметы все по женсому:
На лавку сядет — да стегна жмет».
Он говорит: «Мы можем посла да повыведать,
Пошлем его во чисто поле,
Стрелять да из туга лука,
Стрелкою каленою за триста сажень,
Попасть в ножье острице¹⁵,
Чтобы раскололася стрелочка надвое
И были половиночки ровныя».
Говорят ему таковыя слова:
«Ай же ты, грозен посол Васильюшка!
Не угодно ли тебе, послу,
Пострелять с нашими стрельцами
Во чистом поли из туга лука,

Стрелкою каленою за триста сажень,
Попасть во ножично оstriце?»
Она говорит да таковы слова:
«У меня с за маленька было хожено,
С за маленька было стреляно;
Горит душа, мне-ка хочется,
С вашими стрельцами пострелятися,
Пострелятися во чистом поле».

Шла она со стрельцами во чисто поле,
Стали стрелять стрельцы да княженеские:
Первой стрелец стрилил — да не дõстрилил,
Другой стрелец стрелил — да перестрелил,
Третий стрелец стрелил, — он не попал теперь;
Как она натянула свой тугий лук,
Клала свою калену стрелу,
Стреляла за триста сажень,
Попала во ножично оstriце:
Расколосась та стрелочка надвое;
Кинули половинки на весы на (казенные), —
Половинки были ровныя.

И тут не могли посла повыведасть.
«Мы еще-то можем посла да повыведасть, —
Положим спать во спальну во теплую,
На тую перину пуховую:
Ежели станет яма под плечами, так мужчина,
Ежели станет яма под жопою, то женщина».

Ложили его спать во спальну во теплую,
На ту перину пуховую.
Она спала — где быть плечами, тут жопою,
И сделала яму под плечами.

Вставала по утру по раннему,
Да солнышка князя до Владимир¹⁶.

Как приходил тут солнышко Владимир князь,
Говорил как сам да таково слово:
«Ай же, грозен посол Васильюшка!
Что же ты скоро стал?»

Она ему отвечал таковы слова:
«У нас-то спят не по-домашнему,
Не по-домашнему спят, а по-дорожному».

Тут не могли посла повыведасть.
«Это не прада есть,
Мы можем посла послать да повыведасть, —
Стопим мы парную баенку,
Пошлем посла во парную баенку
Со солнышком со князем со Владимиром:
Ежели мужчина, то пойдет во баенку,
Ежели женщина, то не пойдет со солнышком
Со князем со Владимиром во баенку».
Взяли — стопили парную баенку,
Говорят грозну послу да Васильюшку:
«Не угодно ли с дорожки сходить да попариться
Со солнышком со князем со Владимиром?»
Он и говорит: «Хорошо с дорожки попариться».
Исправлялася во парную баенку
Со солнышком князем со Владимиром.
А у солнышка князя были sprawy княженецкия;
Она впереди его вбежала во парную во баенку,
Она одной рукой скидывалася,
А другой рукой умывалася,
Опять скоро надевалася,
И солнышку князю во стречу попалася.
Говорил как солнышко Владимир князь:
«Что же ты, грозен посол да Васильюшка,
Скоро ты упарился?» —
«У нас парятся не по-домашнему,
А у нас парятся да по-дорожному».
И тут не могли посла повыведасть.

Тут и согласилися отдать Любаву во замужество,
Тут-то пошло у них столованье — почестен пир.
Но16 все на пиру пьяны-веселы,
Столько не весел был грозен посол да Васильюшка.
Говорил солнышко Владимир князь:
«Кто бы мог развеселить
Грозна посла да Васильюшка?»
Говорят тут инные, что «Некому
Развеселить грозна посла Васильюшка;
Развеселит ли один стар Ставер,
Стар Ставер сын Гоудинович:

Он мастер играть во гусли яровчаты».
Тут говорил солнышко Владимир князь:
«А как выпустить Ставра, —
Так не видать Ставра;
И розгневить посла — да не хочется;
А что [17](#) мне розгневить посла,
Лучше выпустить Ставра».
Как выпустил Ставра с погребов да со глубоких,
Стал тут Ставер гуселок налаживать,
Гуселок налаживать, струнок натягивать:
Струночку натягивал от Киева,
Другу от Царя-града,
Третью с Еросолима;
Повел он танцы великие,
Припевки-то припевал из-за синя моря.
Как стал тут грозен посол Васильюшка похаживати,
Стал он поплясывати,
Как стал да выговаривать:
«Ай же, солнышко Владимир князь!
Да-ко мне Ставра сходить до бела шатра,
До бела шатра сходить да прогулятися?»
Тут-то говорил солнышко Владимир князь:
«Как дать Ставра, —
Так не видать Ставра;
И розгневить посла — мне не хочется;
А лучше дать мне Ставра,
Чем розгневить посла.
Ступайте во чисто поле да прогулятися!»

Как она пошла со Ставром да во чисто поле,
Как выходила во чисто поле,
Сама так говорила таковы слова:
«Помнишь ли, Ставер, спамятуешь ли, Ставер,
Когда мы с тобой были маленькие,
Сваечкой с тобой мы да поигрывали,
У тебя-то была сваечка точеная,
У меня-то было колечко золоченое?»
Он говорит: «Я во давние годы не упамячу».
Она говорит: «Ай же, глупый Ставер сын Гоудинович!
Этак ты не узнашь своей молодой жены,

Молодой жены Василисты Микуличной?» —
«Я свою молодую жену,
Молодую жену Василисту Микуличну
Узнаю через тридцать лет».
Она говорит: «Ай же ты, глупый Ставер сын Годинович!
Не то через тридцать лет.
Не узнал ты меня через три месяца:
Ведь я твоя молодая жена, Василиста Микулична!»
Брала его за белые руки,
Целовала его в уста во сахарные,
Называла его мужем любезным,
Старым Ставром сыном Годиновичем;
Скидывала платье мужское,
Надевала платье да женское.
Говорил-то Ставер сын Годинович:
«Что-то нам будет от солнышка князя Владимира!»
Она говорит: «Ничего нам не будет,
Подём ко солнышку князю ко Владимиру».

Пошли они ко солнышку князю Владимиру,
Приходили во полаты княженицкия,
Говорил как стар Ставер сын Годинович,
Говорил таковыя слова:
«Ай же, солнышко Владимир князь!
Ты просватал свою племянницу
За мою молодую жену!»
Солнышку князю стыдно стало;
Как сам говорил да таковыя слова:
«Правдою хвастал, стар Ставер сын Годинович,
Своей да молодой женой Василистой Микуличной!
В первой вины тебя Бог простит;
Поезжай-ка ты ко своему ко городу к Чернигову,
Больше нигде не хвастай молодой женой!»
Они тут-то сядились на добрых коней,
Они поехали ко славному ко городу Чернигову,
Ко своим поселям ко дворянским,
Ко своим полатам белокаменным.

Тут-то он боле не стал ездить по честным пирам,
Он не стал больше хвастать молодой женой,

Молодой женой Василистой Микуличной,
Стал он больше проживать во городе Чернигове,
Во своих поселях во дворянских.
Тем да дело и кончилось.

Дунай, Дунай,
Боле век не знай!

(От сумозерского крестьянина Андрея Сорокина, записано 1861 г.)

Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: Ч. 2. - Москва. Народные былины, старины и побывальщины. - 1862.

1 Стих должен быть таков:

Для бояринов для думных. — Изд.

2 Прошенные, моленные. — Изд.

3 В грамоте выдавала себя за такого-то. — Изд.

4 Из Леденца, откуда приезжал и Соловей Будимирович. — Изд.

5 Иначе Забавы, Занавы. — Изд.

6 Кòлсяна, колчаны. — Изд.

7 Потники. — Изд.

8 Родной. — Изд.

9 Стихи должны быть таковы:

Так надо собрать князей-бояринов,

Бояринов все думных...

Сòбирал как он князей-бояринов,

Бояринов все думных,

На думу сбирал на крепкую. — Изд.

10 Посла? — Изд.

11 В малолетстве, с из маленька. — Изд.

12 Столкнула. — Изд.

13 На земли. — Изд.

14 В ножевое вострие. — Изд.

15 Замечательное отождествление солнышка Владимира с ранним утренним солнцем. — Изд.

16 Ино, впрочем, те прочие, все прочие. — Изд.

17 Чем. — Изд.